РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Русская литература

№ 3 Историко-литературный журнал 2015

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

А. Г. Гродецкая. «Случайный» нигилист Марк Волохов и его сословная геральдика 5

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

М. В. Корогодина. Литературные источники о времени жизни Валаамских чудотворцев Сергия и Германа 39

К. Н. Лемешев. Латинский источник риторики Софрония Лихуда 45

А. Ю. Веселова. «Пролог в Ильинском», его автор и адресат 60

Ван Лие (*КНР*). М. Ю. Лермонтов в китайских переводах: традиции, школы и методы 67

А. С. Федотов. «Присыпочка втирается в литературный круг»: И. П. Песоцкий — издатель 1840-х годов 80

А. А. Грачева. Письма А. Ф. Вельтмана к Н. В. Гербелю о переводе «Слова о полку Игореве» 89

А. А. Тулякова. «Война и мир» Л. Н. Толстого и романы Ж. де Сталь (заметки к теме) 95

Л. Г. Панова. Запоздалая попытка петраркизма: «Канцоньере» в русском модернизме. Статья 1 103

В. В. Розанов и «Новый Путь» (письма к П. П. Перцову) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. И. Гончаровой) 128

На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. Р. Обатниной) 153

Письма В. Я. Брюсова к Альберто Мартини (публикация Мартины Морабито (*Италия*)) 203

Пак Сун Юн (*Республика Корея*). Жизнетворческие маски Анны Ахматовой (к стратегиям автомифологизации) 215

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
«НАУКА»

В. В. Полонский. Борис Эйхенбаум и Поль Клодель: к вопросу о рецепции символистской мистерии в России 227
Неопубликованные переводы Н. С. Гумилева из Т. Готье и П. Верлена (публикация В. В. Филичевой) 235
О. А. Лекманов. «Автора тошнит стихами по всякому поводу» (И. А. Ильин читает Ал. Блока) 242
К. М. Поливанов. Мемуарные источники романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» 247

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

К. Б. Егорова. Хождения в Святую Землю XII—XX веков: мифы и реальность в русских и чешских паломничествах 254
А. О. Дёмин. Научные труды Музея Г. Р. Державина и русской словесности его времени 256

ХРОНИКА

С. А. Семячко. Третий агиографический семинар 258
Л. Н. Алтунин. Державинские чтения в год литературы 261

А. Ю. Балакин. Письмо в редакцию 262

Памяти Олега Викторовича Творогова 263

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Редакционный совет:

Н. А. БОГОМОЛОВ, С. Г. БОЧАРОВ, М. ГАРДЗАНИТИ, С. ГАРДЗОНИО, Ж. Ф. ЖАККАР, А. А. ЗАЛИЗНЯК, Вяч. Вс. ИВАНОВ, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ, Дж. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, Дж. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК, В. ШМИД, Т. В. ЦИВЬЯН

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, А. М. ГРАЧЕВА, И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), *Н. Н. КАЗАНСКИЙ, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА, С. И. НИКОЛАЕВ, М. В. ОТРАДИН, А. А. ПАНЧЕНКО, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ, Т. С. ЦАРЬКОВА*

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01
e-mail: rusliter@mail.ru

Санкт-Петербург
Издательство «Наука»

© Российская академия наук, 2015 г.
© Редколлегия журнала «Русская литература» (составитель), 2015 г.

полного совпадения. Как и Ильин, читатель книги «Будем как Солнце» демонстрирует свое недоумение от стихов поэта-символиста, испещряя их ироническими пометами. Как и Ильин, он обвиняет автора в аморализме, любострастии, легкомыслии, безумии и плохом знании русского языка. «Ни складу, ни ладу, лучше бы и не трогать то, что лучше рассказать прозой, а не такими безобразными виршами». Так неизвестный читатель резюмирует свое впечатление от стихов Бальмонта.[12] «Почти никогда — ни в образе⟨,⟩ ни в предмете — не сведены концы с концами». Такой приговор Ильин выносит стихам Блока (с. 34).[13] Пожалуй, только горькие упреки в религиозном цинизме радикально отличают Ильина от читателя книги «Будем как Солнце».

Завершить свою заметку я хотел бы тремя оговорками, к каждой из которых, придется, однако, приплюсовать свое «но».

Во-первых, пометы Ильина делались, так сказать, в рабочем порядке и печатать их он не собирался. Но печатные ильинские высказывания о Блоке и его современниках содержательно и стилистически немногим отличаются от приведенных мною помет.[14]

Во-вторых, Ильин не только ругал Блока, но и изредка хвалил. Но эти похвалы смотрятся не намного лучше, чем хулы. «Все это хоть немножко связно», — написал он рядом со стихотворением «Ночь, как ночь, и улица пустынна...» (с. 68), — и это был предел ильинской доброжелательности и толерантности.

И, наконец, в-третьих, в своем отношении к стихам Блока и других модернистов Ильин не был одинок, сходные высказывания о них с легкостью отыскиваются, например, в статьях, мемуарах и дневниковых записях И. А. Бунина. Но ведь Бунин-то был много старше Блока и других младосимволистов, XX век он встретил тридцатилетним и уже вполне сложившимся писателем.

Ильину же в 1900 году исполнилось всего лишь 17 лет, он был на три года младше того поэта, на полях стихотворений которого оставил неумные, свидетельствующие о полной эстетической глухоте маргиналии.

[12] Там же. С. 497.

[13] Помета приведена Овчинкиной в статье «И. А. Ильин — читатель А. Блока» (с. 252).

[14] Почти все они процитированы в статье Овчинкиной.

© *К. М. Поливанов*

МЕМУАРНЫЕ ИСТОЧНИКИ РОМАНА БОРИСА ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО»*

Пространство, в котором разворачиваются «уральские» части романа «Доктор Живаго», было Пастернаку хорошо знакомо (близ Перми поэт жил в 1916 году), но годы Гражданской войны он безвыездно провел в Москве. Исследователи романа — И. П. Смирнов, Н. А. Папкова — указывали, что Пастернак опирался на прозу своих предшественников, свидетелей Гражданской войны в Сибири.[1] Ниже будет по-

* Статья написана в рамках научного проекта (15-01-0098), выполненного при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2015—2016 годах. Работа выполнена доцентом НИУ ВШЭ при финансовой поддержке Правительства РФ в рамках реализации «Дорожной карты» Программы 5/100 Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

[1] *Смирнов И. П.* «Доктор Живаго» и литература сталинизма // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сб. к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 1999. С. 323—332; *Папкова Е. А.* Путь на восток в произведениях Б. Пастернака «Доктор Живаго» и Вс. Иванова

казано, что для изображения ситуаций и обстоятельств, в которые он помещает своих героев, автор обращался и к мемуарным свидетельствам очевидцев. В собрании семьи (ныне переданном в РГАЛИ) сохранился читательский формуляр Пастернака библиотеки Центрального дома литераторов за 1951—1952 годы, из которого видно, какими книгами он пользовался. Несколько раз он брал издававшийся в 1921—1926 годах в Берлине «Архив русской революции». В описании путешествия героев из Москвы на Урал в 1918 году Пастернак опирался прежде всего на записки театрального критика А. Левинсона «Поездка из Петербурга в Сибирь в январе 1920 г.» и воспоминания М. Смильг-Бенарио «На советской службе». Несколько раз Пастернак брал изданные протоколы допроса А. В. Колчака, а также книги по истории партизанского движения в Сибири и на Дальнем Востоке Г. Рейхберга, П. Криволуцкого и В. Яковенко (параллели с последними материалами отражены в комментариях Е. Б. и Е. В. Пастернаков).[2]

Записки А. Левинсона содержат множество крупных и частных деталей, иногда почти дословно воспроизведенных Пастернаком в «Докторе Живаго», хотя его герои совершают это путешествие в романном времени на два года раньше, чем мемуарист.

Андрей Левинсон с женой отправляются в путешествие 30 декабря 1919 года, формально они едут в командировку — планировался переезд на Восток одного из учебных заведений, где будущий мемуарист состоял профессором. Жене его также удается получить командировочное удостоверение «научного сотрудника».[3] Напомню, что для поездки на Урал Живаго и его тесть также «выхлопатывают командировки» (IV, 210) — продажи билетов как таковой не существовало. Реальная же причина поездки была другой: в 1917 году Левинсон отправил жену и дочь из Петрограда к родственникам в Барнаул, жена вернулась к нему в Петроград в феврале 1918 года, а далее «в мае выступили чехи, на два года между нами и ребенком легла подвижная полоса фронта. Дважды пыталась жена перейти эту полосу ⟨...⟩ оба раза напрасно».[4]

Левинсоны доезжают от Петрограда до Вятки, где им предстоит пересесть в другой поезд: «В Вятке мы покинули вагон, последнюю связь со столицей; отныне мы вступали в круг нового, неведомого для петербуржца быта»,[5] — то же Пастернак приписывает своим героям, покинувшим на ближайшей к Варыкину станции московский поезд: «связь с Москвою, тянувшаяся всю дорогу, в это утро порвалась, кончилась» (IV, 254). Пастернаковские герои на вокзале в Москве «компостируют командировочные мандаты» (IV, 214), получают «литер в делегатский»[6] (там же), но все путешествие совершают в «теплушке»: «Семье Живаго посчастливилось попасть в левый угол верхних передних нар, к тусклому продолговатому окошку под самым потолком, где они и разместились своим домашним кругом, не дробя компании. Антонина Александровна в первый раз путешествовала в товарном вагоне. При погрузке в Москве Юрий Андреевич на руках поднял женщин на высоту вагонного пола, по краю которого ходила тяжелая выдвижная двер-

«Возвращение Будды» // «Любовь пространства...»: Поэтика места в творчестве Бориса Пастернака. М., 2008. С. 261—269.

[2] *Пастернак Б. Л.* Собр. соч.: В 11 т. М., 2003—2005. Т. IV. С. 707, 714. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера тома римской цифрой и страницы арабской.

[3] *Левинсон А.* Поездка из Петербурга в Сибирь в январе 1920 г. // Архив русской революции. М., 1991. Т. 3. С. 190—209 (репринт берлинского издания 1921 года).

[4] Там же. Это событие можно воспринимать как параллель с судьбой Лары, потерявшей дочь в начале 1920-х годов на Дальнем Востоке.

[5] Там же. С. 191.

[6] Номер на печати на командировочном удостоверении, дававший право проезда в лучших вагонах, которые предоставлялись делегатам многочисленных проводившихся в Москве съездов и совещаний различных новых советских организаций: «С этой печатью вы вправе требовать места в классном, другими словами в пассажирском вагоне, если таковые окажутся в составе» (IV, 214).

ца. Дальше в пути женщины приноровились и взбирались в теплушку сами» (IV, 215).

Так и чета Левинсонов в «досчатом закутке, где чека проверяет и штемпелюет пропуски», получает «штамп „делегатский вагон"».[7] Даже места Левинсонов на верхних нарах у окна Пастернак «отдает» своим героям: «Однако, в составе единственный классный вагон — штабной; он доступен лишь дельцам с военными командировками. Через вагон — теплушка, даже без лесенки; на ней надпись мелом: „делегатский"; в щель двери протягивается чья-то могучая рука, делаю усилие, и я в теплушке ⟨...⟩ забрались мы не поздно и успели примоститься на верхних нарах, в углу у оконца».[8]

Сочувствующие семье Живаго соседи в очереди к поезду объясняют, почему доктору не следует даже и мечтать о другом вагоне: «Это полдела, что у них литер в делегатский. Ты вперед на них погляди, а тогда толкуй. Нешто можно с такой бросающею личностью в делегатский? В делегатском полно братишков.[9] У моряка наметанный глаз, и притом наган на шнуре. Он сразу видит — имущий класс и тем более — доктор, из бывших господ. Матрос хвать наган, и хлоп его как муху» (IV, 215).

В теплушке Левинсонов выделялся именно такой матрос с наганом на шнуре: «Сразу становится ясным, кто будет хозяином в вагоне. То высокий парень с волчьей челюстью и тяжелым взглядом, матрос. На нем кожаная куртка, красные жандармские шнуры тянутся к кобуре нагана. Выражение жилистой силы и ненасытной жестокости; нельзя не думать, глядя на этого кронштадтца, о потопленных баржах с офицерами заложниками. Грубо и презрительно третирует он все население теплушки».[10]

В записках Левинсона дается фактически повторенная в «Докторе Живаго» мотивировка враждебности матросов к доктору: «Тут уместно будет объяснить, что я и вообще во всю почти дорогу непроизвольно навлекал на себя ненависть или хотя бы подозрительное недоброжелательство окружающих. Тому виной было то неистребимо столичное и „барское", что угадывалось без труда, покрой одежды, молчание, почитаемое за брезгливость, вежливость, сходившая за иронию, инстинктивное мое „отлынивание" от дровяной страды. Правда, когда мне случалось браться за работу пилой или там топором, явная моя беспомощность задевала еще обиднее.[11] Звание же профессора, прямо-таки спасительное при сношениях с властями, вызывало у попутчиков скорее недобрые чувства».[12]

Левинсон свою теплушку называет «катящимся острогом, общей камерой на колесах»,[13] хотя их спутники не арестованные, а «мобилизованные на заготовки лабазники и приказчики с Калашниковской биржи. Возглавляет их седоусый с бравой жандармской выправкой человек; оказалось, бывший брандмейстер, ⟨...⟩ а сегодня командировочный, подрядчик ⟨...⟩ элегантный пожарный, с выхоленными усами, член Петроградского совета и „сочувствующий"».[14]

У Пастернака в теплушке едут конвоируемые матросом Воронюком «мобилизованные ⟨...⟩ привлеченные к трудовой повинности из Петрограда. Их было в Вологду на Северный направили, а теперь гонят на Восточный фронт. Не своей волей. Под конвоем. На рытье окопов» (IV, 215). Но и они «заимствованы» автором из

---

[7] *Левинсон А.* Поездка из Петербурга в Сибирь... С. 191.

[8] Там же. С. 191—192.

[9] Наименование матросов Балтийского флота в первые годы революции и Гражданской войны.

[10] *Левинсон А.* Поездка из Петербурга в Сибирь... С. 192.

[11] Вспомним, что Живаго и его тесть в пути много и успешно работают на заготовке дров для паровоза (IV, 239—241).

[12] *Левинсон А.* Поездка из Петербурга в Сибирь... С. 192.

[13] Там же.

[14] Там же.

«Архива русской революции», правда, не у Левинсона, а с соседних страниц. Смильг-Бенарио именно так описывает отправку в 1918 году в Вологду: «В середине октября 18-го года командующий 6-ой армией, стоявшей на северном фронте, потребовал от нашего комиссариата выслать для нужд армии 800 рабочих, которые должны были строить дороги и рыть траншеи. Наш комиссариат решил для этой цели использовать лиц, привлеченных к трудовой повинности».[15]

Тот же мемуарист описывает ситуацию обманной «подмены» посылаемого на фронтовое рытье окопов: «При отправке транспорта на вокзале произошла сцена, которая показывает, до какой низости может дойти порой человек. Один из отправляемых, большой крепкий мужчина, по внешнему виду купец, попросил начальника конвоя разрешить ему проститься со своими близкими, которые ожидали его на другом, не оцепленном стражей перроне. Но начальник конвоя в просьбе отказал, ибо боялся, что проситель не вернется. Тогда проситель заявил, что в то время, пока он пойдет прощаться со своими родными, у поезда в качестве заложника останется его 16-летний приказчик. Начальник конвоя согласился на эту комбинацию. Купец, обещав вернуться через несколько минут, покинул перрон. Но прошел час-другой, а он все не возвращался. Мальчик стал горько плакать, прося начальника конвоя его отпустить. Но начальник был неумолим: „У меня нет времени искать теперь твоего хозяина, — сказал он, — теперь ты поедешь вместо него с нами. Я тут не при чем, я должен доставить столько людей, сколько у меня находится в списках"».[16]

Пастернак сохраняет почти все вышеперечисленные детали в истории Васи Брыкина: «История Васи была иная. Его отца убили на войне. Мать послала Васю из деревни в учение к дяде в Питер.

Зимой дядю, владельца скобяной лавки в Апраксином дворе, вызвали для объяснений в Совет. Он ошибся дверью и вместо комнаты, указанной в повестке, попал в другую, соседнюю.

Случайно это была приемная комиссия по трудовой повинности. В ней было очень людно. Когда народу, явившегося в этот отдел по вызову, набралось достаточно, пришли красноармейцы, окружили собравшихся и отвели их ночевать в Семеновские казармы,[17] а утром препроводили на вокзал для погрузки в Вологодский поезд.

Весть о задержании такого большого числа жителей распространилась в городе. На другой день множество домашних потянулось прощаться с родственниками на вокзал. В их числе пошли провожать дядю и Вася с теткой.

На вокзале дядя стал просить часового выпустить его на минутку за решетку к жене. Часовым этим был ныне сопровождавший группу в четырнадцатой теплушке Воронюк. Без верного ручательства, что дядя вернется, Воронюк не соглашался отпустить его. В виде такого ручательства дядя с тетей предложили оставить под стражей племянника. Воронюк согласился. Васю ввели в ограду, дядю из нее вывели. Больше дядя с тетей не возвращались.

Когда подлог обнаружился, не подозревавший обмана Вася заплакал. Он валялся в ногах у Воронюка и целовал ему руки, умоляя освободить его, но ничего не помогало. Конвойный был неумолим не по жестокости характера. Время было тревожное, порядки суровые. Конвойный жизнью отвечал за численность вверенных ему сопровождаемых, установленную перекличкой. Так Вася и попал в трудармию» (IV, 221).

Описания обстоятельств приобретения еды в дороге также совпадают с описанными Левинсоном. Супруги, памятуя об опыте предыдущих поездок, надеялись

[15] *Смильг-Бенарио М.* На советской службе // Архив русской революции. М., 1991. Т. 3. С. 155.

[16] Там же. С. 164.

[17] Там были помещены задержанные и у Смильг-Бенарио.

найти еду на станциях: «Жена, бывалая путешественница, лишь за месяц до того возвращавшаяся по той же Северной дороге, опрометчиво утверждала, что все необходимое мы достанем на станциях у крестьян, выходящих к поезду. Опыт ее, однако, устарел. Советская организация голода успела упразднить и этот источник.[18] ⟨...⟩ Товарообмен на станциях совершался контрабандой под страхом набега милиции».[19]

Получить еду можно было в обмен: «Однако за соль и табак (коих у меня не было) добывали молоко и „буханки" ржаного хлеба». Семье Живаго еще в Москве это же советуют, хотя с опасностью, что могут изъять при обысках в вагонах: «Целесообразны соль и табак, как показала практика, при значительном, однако, риске» (IV, 211).

Два продовольственных «успеха» Левинсонов: «Однако и у нас бывали удачи; стрелочник, опознавший жену мою, уступил за шитое полотенце хлеба, огурцов и творога. В другой раз, когда мы, уйдя от сытых соседей, стоически шагали по перрону, раздался из сумрака радостный голос: „Здравствуйте, барыня!" То оказался профессиональный мешочник, которому жена в ту поездку „спасла сухари". Он уступил нам за 100 рублей мороженного зайца, бородач-матрос распластал его топором, одолжил нам походный котелок, немного соли... Словом, счастливый вечер»,[20] — как будто соединены Пастернаком в один эпизод с приобретением Тоней на станции половины зайца в обмен на полотенце: «Антонина Александровна производила обход торговок, перекинув через плечо полотенце с таким видом, точно шла на станционные задворки умыться снегом. Ее уже несколько раз окликнули из рядов:

— Эй, эй, городская, что просишь за ширинку?

Но Антонина Александровна, не останавливаясь, шла с мужем дальше.

В конце ряда стояла женщина в черном платке с пунцовыми разводами. Она заметила полотенце с вышивкой. Ее дерзкие глаза разгорелись. Она поглядела по бокам, удостоверилась, что опасность не грозит ниоткуда, быстро подошла вплотную к Антонине Александровне и, откинув попонку со своего товара, прошептала горячей скороговоркой:

— Эвона что. Небось такого не видала? Не соблазнишься? Ну, долго не думай — отымут. Отдай полотенце за полоток.

Антонина Александровна не разобрала последнего слова. Ей подумалось, что речь о каком-то платке. Она переспросила:

— Ты что, голубушка?

Полотком крестьянка назвала ползайца, разрубленного пополам и целиком зажаренного от головы до хвоста, которого она держала в руках. Она повторила:

— Отдай, говорю, полотенце за полоток. Ты что глядишь? Чай, не собачина. Муж у меня охотник. Заяц это, заяц.

Мена состоялась. Каждой стороне казалось, что она в великом барыше, а противная в таком же большом накладе. Антонине Александровне было стыдно так нечестно объегоривать бедную крестьянку. Та же, довольная сделкой, поспешила скорее прочь от греха и, кликнув расторговавшуюся соседку, зашагала вместе с нею домой по протоптанной в снегу, вдаль уводившей стежке» (IV, 218).

Когда Левинсоны подъезжают к Перми, выясняется, что «мост через Каму взорван».[21] Семья Живаго узнает, приближаясь к месту назначения, что «Юрятин-город ⟨...⟩ не принимает. В городе пожары и мост взорван, нельзя проехать» (IV, 218).

---

[18] Тут как раз Пастернак мог учитывать, что во время путешествия его героев продукты на станциях находились легче.

[19] *Левинсон А.* Поездка из Петербурга в Сибирь... С. 191—193.

[20] Там же. С. 193.

[21] Там же. С. 194.

Встреченный на подъезде к Юрятину Анфим Самдевятов, «официальный представитель губсовнархоза», напоминает одного из спутников Левинсона в поезде до Новониколаевска. О персонаже этом и его компании говорится: «Мнимые большевики, на самом деле кооператоры. Тот, что в пенснэ, бывший городской голова одного из городов западной Сибири, журналист и редактор газеты; он социал-демократ меньшевик,[22] при Колчаке был смещен и посажен в тюрьму; новониколаевское восстание вернуло ему свободу. В Омске был по вызову Сибревкома, предлагавшего ему ответственный пост».[23] В Новониколаевске Левинсон слушает рассказы о еврейских погромах при белых — о таких же погромах рассказывает Юрию Андреевичу Лара (IV, 299).

Левинсон вспоминает, как в Екатеринбурге пришлось пропустить почтовый до Челябинска. К счастью, рядом «стоит под парами поезд члена Реввоенсовета Максимова», в котором супругам удается попасть в «отделение первого класса» и расположиться «на малиновом бархате».[24] Описание поезда, в котором Комаровский уговаривает Живаго и Лару последовать за ним на Дальний Восток, кажется почти дословной цитатой: «На путях в Юрятине стоит под парами служебный поезд Дальневосточного правительства. Вчера он прибыл из Москвы и завтра отправляется дальше. ⟨...⟩ Мы покатили бы со всем комфортом» (IV, 445).

Возможно, у Левинсона Пастернак берет аббревиатурное словцо «уточка» («управление транспортным чека»), которое произносит Стрельников (IV, 251) — ср. «„утечека" (железнодорожная чрезвычайка)».[25]

Наконец Левинсон описывает неподвижные поезда, растянувшиеся на десятки километров по Транссибирской магистрали, и объясняет их происхождение: «На всем протяжении от Чулыма до Николаевска, на 60 верст впереди нас, на 30 позади тянется почти непрерывная „лента" поездов. Они еще за неделю до бурана забивали оба пути, но вторую ленту уже успели „растаскать". ⟨...⟩ Вагоны замело до крыш. Поезда следуют друг за другом подчас на расстоянии всего пяти сажен. ⟨...⟩ вагоны без конца, тысячи вагонов и в них ни души. ⟨...⟩ Разительна неподвижность этих паровозов, моторов, вагонов, всей структурой своей выражающих движение! ⟨...⟩ Когда тонкая цепь защитников стала все быстрее оседать и поддаваться к Омску, „буржуи" с семьями и имуществом двинулись в путь, купив у машинистов согласие везти. Но на первой же станции их ждал новый ультиматум поездной команды: уплатить контрибуцию в 100 или 50 тысяч или выгружаться; этот шантаж повторялся непрерывно; лишь самые богатые или очень удачливые составы куда-либо продвинулись; остальные застряли в пути ⟨...⟩ что же сталось с этим городом на колесах? ⟨...⟩ Целые вагоны вымирали от тифа, от холода, от голода, особенно дети. Уйти было некуда, а нужды слишком много. То и дело вооруженные крестьяне, „партизаны" или просто хозяева, производили налеты, грабили и убивали защищавшихся».[26]

Вдоль этих стоящих поездов идут «люди с черными от стужи и истощения лицами».[27] Это описание отзовется в рассказе о возвращении доктора из партизанского отряда в Юрятин: «Очень долго, половину своего пешего странствия он шел вдоль линии железной дороги. Она вся находилась в забросе и бездействии, и вся была заметена снегом. Его путь лежал мимо целых белогвардейских составов, пассажирских и товарных, застигнутых заносами, общим поражением Колчака и истощением топлива. Эти, застрявшие в пути, навсегда остановившиеся и погребенные под снегом поезда тянулись почти непрерывною лентою на многие десятки

[22] О Самдевятове: «Отец постоялый двор держал. Семь троек в разгоне ходило. А я с высшим образованием. И, действительно, социал-демократ» (IV, 256).

[23] *Левинсон А.* Поездка из Петербурга в Сибирь... С. 201.

[24] Там же. С. 195.

[25] Там же. С. 201.

[26] Там же. С. 204.

[27] Там же.

верст. Они служили крепостями шайкам вооруженных, грабившим по дорогам, пристанищем скрывающимся уголовным и политическим беглецам, невольным бродягам того времени, но более всего братскими могилами и сборными усыпальницами умершим от мороза и от сыпняка, свирепствовавшего по линии и выкашивавшего в окрестностях целые деревни» (IV, 375).

О реальности грозящей опасности Ларе и Катеньке Пастернак также мог узнать из «Архива русской революции», где был приведен Приказ главнокомандующего вооруженными силами республики И. Вацетиса от 5 октября 1918 года № 41: «По приказанию Председателя Революционного совета Республики товарища Троцкого ⟨...⟩ измена и предательство повлечет арест семьи».[28]

Таким образом, можно уверенно утверждать, что материалы «Архива русской революции» планомерно использовались Пастернаком для воссоздания сложной картины Гражданской войны на Урале и в Сибири. Подчеркнем, что и Левинсон, и Смильг-Бенарио до эмиграции были скорее расположены к новой власти, а в их мемуарах описан процесс разочарования в большевистском изводе революции, несомненно схожий с тем, что проходит герой романа, а исторически позднее — его автор.

---

[28] *Критский М.* Красная армия на Южном фронте в 1918—1920 гг. // Архив русской революции. М., 1993. Т. 18. С. 270.

© *К. Б. Егорова*

ХОЖДЕНИЯ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ XII—XX ВЕКОВ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ В РУССКИХ И ЧЕШСКИХ ПАЛОМНИЧЕСТВАХ*

Книга Дануши Кшицовой, профессора кафедры славистики в Университете им. Масарика (Брно) и автора многочисленных работ по истории русской литературы, посвящена сопоставительному анализу русских и чешских хождений в Святую Землю и имеет подзаголовок «Мифы и реальность в чешских и русских паломничествах». Рассказывая о своей поездке в Иерусалим, Кшицова отметила, что интерес к теме паломничества как особого жанра в славянских литературах возник после конференции в Иерусалиме, которая проходила в 2001 году под названием «Семиотика путешествий».[1] Таким образом, книга «Хождения в Святую Землю XII—XX веков» является результатом более чем десятилетней работы автора над обозначенной проблематикой. Появлению этого издания предшествовал ряд статей, посвященных различным аспектам изучения жанра паломничества в чешском и русском литературных контекстах. Некоторые статьи в переработанном и дополненном виде вошли в настоящее издание, заложив основу и определив дальнейший ход исследовательской мысли.[2]

Работа представляет собой попытку обобщения и систематизации обширного материала: предметом научного изучения и анализа стали художественные произведения, дневники и путевые заметки чешских и русских паломников, относящиеся к XII—XX векам. Безусловно, осветить все возможные письменные свидетельства о паломничествах в Святую Землю, совершенных чешскими и русскими путешественниками за более чем восемь столетий, представляется трудновыполнимой задачей. В книге речь идет лишь о нескольких наиболее репрезентативных с точки зрения автора примерах художественного осмысления опыта «хождений» в Святую Землю. Материалом для исследования стали произведения шести русских и шести чешских путешественников, совершивших поездку по святым местам, что позволило взглянуть на исследуемую проблему с новой точки зрения и сопоставить два подхода к описанию паломничества, различие которых определяется конфессиональной принадлежностью путешественников.

Как справедливо отмечала В. П. Адрианова-Перетц, давая характеристику русским «хождениям» и отмечая их принципиальное отличие от западных образцов, к которым относятся и чешские тексты, «паломничества к „святым местам" создали в русской литературе особый литературный жанр „хождений", „странников", „путников" — описаний паломнических путешествий, знакомый и всем христианским средневековым литературам, но в отличие от западных его образцов, пользовавшихся латинским языком, в русской литературе сразу получивший национальное выражение: язык старших русских хождений лишь в самой незначительной доле окрашен книжными элементами, в основном же это живой древнерусский язык, близкий к языку летописей».[3] Записи о паломничест-

---

* *Kšicová D.* Cesty do Svaté Země XII.—XX. století. Mýty a realita v ruských a českých cestopisech. Brno: Masaryková Univerzita, 2013. 335 s.

[1] Ibid. S. 275.

[2] *Кшицова Д.* Хождения в Святую Землю XII—XX веков: мифы и реальность в русских и чешских паломничествах // Гуманитарное пространство: международный альманах. М., 2012. Т. 1. № 3. С. 658—667. *Ksicová D.* 1) Balkán v cestách do Svaté země // Slovanský jih. Brno, 2012. Roč. XII. Č. 01. S. 3—16; 2) Proměny žánru cestopisu a skrytý dialog poutníků do Svaté země (Norov — Gogol — Neruda) // Nosné tradice české slavistiky. Brno, 2012. S. 193—202; 3) Náboženská mise poutníků do Svaté země. Martin Kabátník (1491—1492) a Ioann Lukjanov (1701—1703) // Evropské areály a metodologie (Rusko, střední Evropa, Balkán a Skandinávie). Brno, 2011. S. 137—145.

[3] *Адрианова-Перетц В. П.* Путешествия // История русской литературы: В 10 т. М.; Л., 1941. Т. I. Литература XI — начала XIII века. С. 365—366.